Сов. артист, 1983, 25 нояб

К 80-летию народного артиста СССР А. М. Мессерера

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

На снимке: А. Мессерер — Принц Зигфрид («Лебединое озеро»).

Лев Толстой считал главным мерилом ценности человека его способность к любви. Что, как не любовь — к людям, искусству, жизни,—сотворила уникальность судьбы и феноменальность личности Асафа Михайловича Мессерера? Не ею ли была рождена та поистине фантастическая жажда творчества, тот неописуемый заряд энергии, которые позволили в далекие двадцатые годы шестнадцатилетнему мальчику, «балетному перестарку», за неосуществимые, с точки зрения здравой логики, сроки воплотить свой талант: начать заниматься балетом, поступить в школу Большого театра, закончить ее и стать солистом прославленной труппы?

А воплощать было что. Мессерер обладал уникальными природными данными. То был танцовщик, как писала пресса о его первых выступлениях, «по размаху его таланта исключительный. Прекрасная фигура... с идеальными по рисунку ногами, абсолютная выворотность... Блестящие, безукоризненные заносски, двойные туры в воздухе, двойные кабриоли — весь арсенал элевационного танца к его услугам». В годы яростных споров о том, жить или не жить классическому балету, А. Мессерер, пожалуй, единственный тогда в Москве из молодежи, привлекал внимание и покорял своим танцем не только людей с одинаковыми вкусами, но и самых яростных соперников. Маститый Аким Волынский, рьяно нападавший на любое отступление от законов академизма, стоя на страже незыблемости традиций, приводил в пример Мессерера. У этого «архаиста» молодой человек вызывал в памяти триумфы Вацлава Нижинского: «Перед нами тонкое деревце, послушное каждому музыкальному дуновению. Что-то отдаленно напоминает в Мессерере знаменитого Нижинского. Кажется, только элевация не так велика, как у незабвенного Фаэтона. Но зато игра глубже, серьезнее, даже искреннее, и с оттенком той московской драматической поэзии, которая тоже не имеет себе никаких параллелей».

А московская критика писала в то же время о спортивности этих прыжков. Ю. Ф. Файер называл их уже в стиле времени «чемпионскими». То было веяние времени и сотворение молодым танцовщиком нового, своего стиля в искусстве танца — стиля, рожденного теми далекими и легендарными годами, когда новое творилось прямо на глазах, ежесекундно, сиюминутно молодыми личностями в любом виде искусства — поэзии, драме, живописи, балете. Жизнь казалась податливой, пластичной, между замыслом и его осуществлением барьер, как правило, был невелик, а груз догм и почитаний совсем необязателен. Но для того, чтобы стряхнуть их, для того, чтобы стать самим собой, заявить о себе в искусстве, нужна была любовь к нему не меньшая, чем сейчас. Нужна была способность к полной самоотдаче. Ею и был наделен Асаф Михайлович. Ее он пронес через всю жизнь.

И не отсюда ли та легкость, естественность, юмор, с каким рассказывает этот замечательный человек о своем долгом и прекрасном пути в искусстве? Свой путь в нем проходит каждый художник. Но не каждый может мягко, чуть иронично и с радостью рассказывать не только о своих победах, но и о неудачах, не только о праздниках, но и буднях. А ведь совсем нелегко было юному «варвару», как тихо называли его «старики», приходить каждый день в театр и встречать незримое, а порой и очень «зримое» неприятие тех, кто стоял за незыблемость догм. Совсем непросто было идти вперед, когда знаешь, что неизрасходованных сил у тебя уйма, а ролей минимум. Разных балетных партий — десятки, а той единственной, твоей — нет. Но он танцевал и поражал, покорял — в партиях традиционных, ролях эпизодических, создавал образы там, где, казалось, его таланту и тесно, и неинтересно.

Нет, совсем не так уж легко было Асафу Мессереру стать самим собой. Одновременно с молодым поколением ленинградских танцовщиков он закладывал в Москве те новые принципы советской балетной школы, которые прорывали традицию, опираясь на нее, обогащали танец, не отказываясь от «академии», а подчиняя ее себе.

Жизнь бурлила, рождала рядом спектакли Театра имени Вс. Мейерхольда и А. Таирова, эксцентрику кинокомедий с участием И. Ильинского и «Дни Турбиных» во МХАТе. А молодой Асаф Мессерер танцевал «эпизоды», выходил в партиях старого репертуара. Но как танцевались эти эпизодические партии! О Божке и Танце с лентой в «Красном маке», Фанатике в «Саламбо» после первых же выступлений актера начинали слагаться легенды, воочию подтверждая истину К. С. Станиславского, что нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. И главный тезис жизни и искусства К. С. Станиславского о том, что главное — любить искусство в себе, а не себя в искусстве, Асаф Михайлович подтверждал каждым днем своей жизни. Он танцевал классику — Колена, Зигфрида, Базиля, Петрушку, участвовал почти во всех новых постановках Большого театра — был Иосифом Прекрасным у К. Голейзовского, Нурали в «Бахчисарайском фонтане» и Конькобежцем в «Кавказском пленнике» Р. Захарова. Техника танцовщика позволяла ему справляться с любой из партий. Но далеко не все они были «его», близкие А. Мессереру своим внутренним пафосом, да и просто новизной как таковой, а к ней не может не стремиться, ее не может не искать любой художник. Но почитайте книгу А. Мессерера «Танец. Мысль. Время». Любая роль для него была счастьем, любая окрашивалась любовью, как и те дни жизни, в которые она творилась. Вот исповедь художника, лишенного самого страшного, что есть в искусстве — теперь мы это называем комплексами,— а переводится это по старым русским правилам, как элементарная зависть, отсутствие того моцартианского отношения к жизни, которое рождается талантом и любовью ко всему существующему.

Творческая судьба А. Мессерера рождалась из приятия мира, лишенного беспринципного восприятия. С каждой из ролей он вступал в свои личные и неожиданные отношения. Он танцевал принцев — благородных, изысканных, и критика вновь и вновь восхищалась органичной слитностью его хореографических комбинаций, кантиленностью движений. Но каким-то иным, чем все остальные, казался здесь танцовщик. Первый из поколения мужчин-виртуозов, А. Мессерер усложнял технику танца в партиях классического репертуара, не разрушая хореографическую партитуру роли. Танец динамизировался, обретал волевые ноты. Так поступали потом его младшие коллеги — А. Ермолаев, В. Чабукиани. Но в Асафе Михайловиче не было их прямой эмоциональной отдачи. Умница, тонкий, умеющий все оценить и все понять художник, человек, живущий в своем времени, он, казалось, танцевал, прекрасно понимая, что времена этих принцев очень далеки от жизни двадцатых, тридцатых, сороковых годов. И любил своих героев за их наивность, нетронутость, романтизм. «В его беспечности есть оттенок холодности, — проницательно отмечал один из самых тонких критиков тех лет В. Голубов, — и это особенно заметно, когда Мессерер выступает в партиях любовников, надевает парик с белыми или каштановыми локонами, добровольно отдает себя в плен унылой балетной традиции с ее казенными улыбками, томными жестами и нудными условностями салона... Ему тут не по себе». Оттенок холодности возникал, вероятно, потому, что это был своеобразный вариант актерского стилизаторства, демонстрация виртуозного владения стилем прошлого. Тут властвовала легкая ироничная улыбка артиста над условностями старого балета. Не зря ведь он был исполнителем партии Рауля в иронично-изящной «Теолинде» К. Голейзовского, где эта ирония, этот легкий юмор становились принадлежностями стиля спектакля и были свидетельством единодушия постановщика и исполнителя. Тут не было насмешки. Любовь к прошлому, к чуду традиции цвела в искусстве А. Мессерера с неменьшей силой, чем страсть к новому. Поэтому его гротеск, как правило, был мягок, юмор тонок и лиричен. А жесткость возникала там, где рождался элемент отрицания — социального, человеческого, художественного.

Как любой поистине талантливый человек, Асаф Мессерер — яростный противник догм, но не закона; штампов, но не традиций; поклонник игры ума, а не игры в ум. И упоения творческой волей. «Для творчества необходимы фанатизм, воля, самозабвение, отдача себя без остатка, — пишет он в своих воспоминаниях. — Но воля эта должна быть веселой, а не высокомерной. Мне нравился тип людей, которые, прекрасно зная себе цену, не без оснований полагают, что не они одни центр Вселенной, что в мире существует еще масса интересных профессий, искусств, философий, верований». Вот это умение увидеть и понять не только себя, а чужую личность, чужую индивидуальность рядом с огромным собственным творческим зарядом и объясняет разнообразие поисков А. Мессерера, его балетмейстерские опыты. А главное — это основа основ таланта педагога, каким стал А. М. Мессерер в наши дни, каким мы знаем его сейчас.

На юбилейном вечере замечательного мастера, который состоялся 16 ноября в Большом театре, мы краешком глаза заглянули в то прекрасное прошлое, которое обозначило в свое время искусство и реформу в исполнительстве танцовщика Мессерера, увидели, что значит созидательная сила любви Мессерера-педагога. Поняли, как работал, как ценил классику, насыщал ее энергией и волей Мессерер-постановщик. И снова почувствовали, увидели жизненную правоту толстовского принципа.

...Асаф Михайлович показывал Владимиру Васильеву свой старый знаменитый номер «Футболист». И какая ирония, какой юмор, а вместе с тем какие тонкость, изящество, мягкость были в пластике этого замечательного человека. Тут возникал тот «театр социальной маски», которую творил когда-то в нашем искусстве В. Мейерхольд, и новый человеческий тип — образ молодого спортсмена. Тут виделась та самая любовь к жизни, которая осветила всю судьбу Асафа Михайловича и сделала его счастливым человеком. Тут родилось то упоение любви ученика к педагогу и педагога к ученику, когда каждый чувствует другого малейшими поворотами эмоций, вторит ему и остается самим собой. И когда выстроились у палки в классе А. М. Мессерера ведущие солисты, «звезды» Большого балета, мы поняли, что перед нами — взошедшая и остановившаяся в зените звезда исполнительских традиций Большого театра. Когда солисты начали демонстрировать свое мастерство в блестящих вариациях, в номерах, поставленных когда-то самим Мессерером, мы вспоминали его работу над «Тщетной предосторожностью» и «Спящей красавицей», «Лебединым озером», «Коппелией», «Класс-концертом». Мы смотрели на М. Плисецкую и чувствовали, как живет в этой замечательной балерине традиция раскрепощенности, личностного начала, искусства как такового.

Лев Толстой считал главным мерилом человека его способность к любви потому, что любовь — главная созидательная сила на земле. Любовь созидает, отдавая. И только отдавая по-настоящему, можно получить в ответ столь же истинное. Жизнь Асафа Михайловича Мессерера, его судьба — счастливое и наглядное тому подтверждение. Дни за днями он будет приходить в класс Большого театра. Вечер за вечером его вновь можно будет увидеть в зрительном зале на каждой маломальски интересной премьере, актерском дебюте. Ему интересно все. Ведь он любит жизнь, людей, искусство. И пусть так длится из года в год. Как можно дольше.

Н. ЧЕРНОВА,
кандидат искусствоведения.

На снимке: на вечере в Большом театре. После окончания «Урока танца». В центре — А. Мессерер. **Фото Л. Педенчук.**

А. Мессерер — Футболист («Футболист»).

Приказом министра культуры СССР

Министр культуры СССР П. Н. Демичев издал приказ, в котором сказано, что за постановку выдающихся спектаклей, хореографических концертных миниатюр, ряда экспериментальных балетов на сценах Большого театра СССР и других театров, получивших высокую оценку общественности и прессы, за создание ярких сценических образов, а также за многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность объявлена благодарность народному артисту СССР, лауреату Государственной премии СССР Мессереру Асафу Михайловичу и выдана денежная премия.

Вечер в Большом театре

16 ноября в Большом театре состоялся вечер, посвященный 80-летию со дня рождения народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР Асафа Михайловича Мессерера.

Вступительное слово о творческом пути юбиляра произнесла народная артистка СССР Р. Стручкова.

В первое отделение был включен «Урок танца», который провел А. Мессерер, концертные номера в постановке А. Мессерера («Мелодия» А. Дворжака, «Весенние воды» С. Рахманинова, «Мелодия» К. Глюка и «Футболист» А. Цфасмана), а также раздел «Танцует класс А. М. Мессерера», в котором выступили: А. Михальченко, В. Анисимов, А. Лиепа, А. Ветров, Л. Семеняка, Ю. Васюченко, Н. Ананиашвили, М. Лавровский, Б. Акимов, Н. Тимофеева, В. Васильев, Е. Максимова, Ю. Владимиров, Н. Павлова, В. Гордеев.

Режиссер вечера — В. Васильев.

Балетмейстер - репетитор — Н. Фадеечев.

Дирижер — А. Копылов.

Партию фортепиано исполняла И. Зайцева.

Во втором отделении вечера был показан балет «Кармен-сюита» Ж. Бизе—Р. Щедрина с М. Плисецкой в заглавной партии.

Вечер прошел с большим успехом. После его окончания на сцене театра состоялось чествование Асафа Михайловича Мессерера.